

Я тоже хочу жить нормально, да твои домашние мне покоя не дают!

Тан Цзин взглянул на Е Чэня, решительно зажмурился, встал, вошёл в комнату и заперся изнутри.

Е Чэнь никак не ожидал, что дойдёт до такого, и смущённо ушёл.

Е Дуо не вышла проводить его — она всё ещё сидела на земле и плакала. Родные вечно только и знали, что требовать, и это её постепенно утомило.

Поблакав немного и не дождавшись ни от кого утешения, Е Дуо перестала плакать, утерла слёзы и принялась за домашние дела — это помогало ей забыть о тревогах.

Ближе к вечеру Тан Цзин немного успокоился, позвал Ледяную Малышку и велел дочке утешить её мачеху.

Отношения между Цинь Бин и Е Дуо были исключительно хорошими, и девочка охотно согласилась.

Цинь Бин вбежала в объятия Е Дуо и с улыбкой спросила:

— Мачеха, а малыш у тебя в животике будет любить меня?

— Конечно будет, ты же у нас старшая сестра, — улыбнулась Е Дуо.

— А мачеха меня любит? — смущённо спросила Цинь Бин.

— Мачеха тебя очень любит! — Е Дуо чмокнула малышку в щёку, подтверждая свои слова.

— И я тебя люблю! Только не грусти. Если ты грустишь, папа грустит, а если папа грустит, мне тоже грустно. Давай все будем счастливы, хорошо?

— Хорошо! — Е Дуо бросила взгляд на Тан Цзина и поняла, что это он послал Цинь Бин выступить миротворцем, отчего обида в её сердце постепенно рассеялась.

Как ни крути, а её собственные родственники перегнули палку, так что вины Тан Цзина она не усматривала.

Деньги!

Целый миллион серебряных монет!

Такой суммы Тан Цзину хватило бы на безбедную жизнь до конца дней, да ещё и на то, чтобы завести целую толпу наложниц. Она прекрасно понимала вес этих денег, а потому живо сочувствовала чувствам Тан Цзина.

Этим вечером Цинь Бин не отходила от Е Дуо, устроившись аккуратно посередине кровати: то повернётся в одну сторону словечко замолвит, то в другую — сглаживая углы в отношениях отца и мачехи.

Ей было всего двенадцать лет, она ещё не до конца всё понимала, но ей очень хотелось выполнить поручение отца и сделать так, чтобы папа с мачехой были счастливы.

— Какая же ты болтушка!

Прятавшаяся под кроватью Цинь Хун больше не выдержала. Высунув голову из укрытия — она завернулась в одеяло, — она заставила Тан Цзина потерять дар речи.

Цинь Лань исполнилось четырнадцать. Ей безумно хотелось, как и Цинь Бин, примоститься между папой и мачехой, но она стеснялась, поэтому, когда ей не хватало отца, она забиралась спать под его кровать.

Тан Цзин относился к ней несколько прохладно, но она безумно любила отца!

Раньше она подшучивала над ним по наущению матери, под предводительством старшей сестры и просто из озорства, отчасти потому, что отец был лентяем. Теперь же, вспоминая об этом, ей хотелось то смеяться, то плакать, смешанное с горьким раскаянием: она чувствовала свою вину перед отцом, хотела всё исправить, попросить прощения, только не знала как.

На следующий день Тан Цзин перестроил кровать, соорудив двухъярусную конструкцию, чтобы дочери могли спать наверху.

С появлением двухъярусной кровати сёстры перебрались туда без малейших колебаний. С этого дня семья стала ещё ближе, и вечерами они неизменно засиживались за разговорами перед сном.

Чтобы избежать неловкости, Тан Цзин и Е Дуо перенесли свои интимные дела на дневное время: пока дочери были в школе, у супругов оставался их собственный уголок.

Семья жила в радости и согласии. Прошло какое-то время, полное покоя, как вдруг вернулась Цинь Тянь.

На этот раз она притащила с собой гору вещей и вела себя из кожи вон как услужливо, запасшись подарками для всех домашних.

Тан Цзин думал, что дочка погостит пару дней, но прошёл уже месяц с лишним, а она и не думала уходить.

Да пусть живёт раз так, с учётом её двоих детей еды много не убудет, подумал Тан Цзин и ничего не сказал.

В один из полудней в дом пожаловала гостя — бабушка Чжан, сваха лет пятидесяти с хвостиком.

— Тан Цзин, скажу напрямик: господин Лю положил глаз на твою Цинь Тянь. Сто серебряных монет, как тебе такое? — с порога заявила бабушка Чжан.

— Я не против, пусть сама решает, — Тан Цзин бросил взгляд на дочь, перекладывая ответственность и не желая в это ввязываться.

Цинь Тянь промолчала, зато сидевшая рядом Е Дуо улыбнулась:

— Бабушка Чжан, наша Сянь уже замужем, вы зря только ногибили.

— Ой, бросьте, я всё навела: её же выставили вон оттуда, — с усмешкой бросила бабушка Чжан.

— Тебя вообще не касается! — Цинь Тянь, чувствуя себя униженной, прикрикнула на Е Дуо.

— Да при чём тут она? Она твоя мачеха, и если не хочешь её слушать, можешь катиться на все четыре стороны! — вспыхнул Тан Цзин, в упор глядя на дочь и собираясь отвесить ей пару оплеух.

— Не надо так! — Цинь Тянь не ожидала от отца такой вспышки гнева, тут же сменила гнев на милость, принялась строить умильные глазки и заискивающе произнесла: — Папа, я же просто к слову... Касается, конечно, касается!

Тан Цзин не собирался бить дочь по-настоящему, а видя её сговорчивый тон, решил больше не пререкаться.

Е Дуо поспешила сгладить углы и мягко произнесла:

— Ничего страшного, Сянь просто неразумна, она ведь младше меня.

— Тц-тц, — усмехнулась бабушка Чжан. — Люди бывают разные, аж завидно. Е Дуо — известная мастерица быть хорошей женой, а вот ваша Цинь Тянь — никуда не годится. Сколько раз замуж выходила, и всё впустую. Если бы не её молодость и миловидная внешность, господин Лю на неё и не глянул бы. Так что решайте быстрее: сто серебряных монет на вид маловато, но для такой, как Цинь Тянь, — целое состояние.

— Пожалуй, нет, Сянь пока не хочет выходить замуж, — покачала головой Е Дуо, отказываясь. Она прекрасно знала мысли Тан Цзина: он переживал за дочь, но гордость не позволяла ему заговорить первым, вот она и взяла хлопоты на себя.

Бабушка Чжан бросила взгляд на Цинь Тянь, немного подумала и решила больше не настаивать. Таких красивых девиц пруд пруди, к тому же товар уже не первой свежести — даже если сделка выгорит, барыши ей перепадут мизерные раз хозяева не хотят, ну и ладно.

Красивые женщины для богачей были сродни товару, который можно выбирать по своему вкусу. Цинь Тянь была хороша собой, вот на неё и позарились, но после стольких мужчин она растеряла всю свою ценность.

На следующий день бабушка Чжан явилась снова, да ещё и привела с собой кого-то.

Это был седовласый старик лет пятидесяти на вид, рослый, с дурной кожей и свирепым выражением лица — от одного его вида детишки плакали со страху.

— Позвольте представить: это эмиссар Цзян, он случайно увидел вашу Цинь Хун и имеет самые серьёзные намерения взять её в наложницы. Причём настроен крайне решительно, предлагает пять тысяч серебряных монет! — с улыбкой объявила бабушка Чжан.

Если бы эта сделка выгорела, ей бы перепали сотни серебряных монет! Ради такого крупного куша она выложилась по полной и даже не пожалела собственных денег на подарки.

— Приветствую. Я наслышан о вас: братец Тан из тех, кто молчит, да так скажет, что все ахнут. Я сегодня пришёл с чистым сердцем, насчёт выкупа за невесту можно ещё поторговаться, — улыбнулся эмиссар Цзян.

Пять тысяч серебряных монет... Да за такие деньги не то что дочку — половину задницы кто угодно продать согласится!

Но то другие люди, а Тан Цзин не собирался продавать дочь!

— Эмиссар Цзян и впрямь щедр. Пять тысяч серебряных монет... Ступайте в квартал бедняков, там вы сотенку-другую девок безо всякого труда купите, зачем же тратить такие деньжищи на одну? — покачал головой Тан Цзин и наотрез отказался.

— Братец Тан, ты, пожалуй, меня не знаешь. Я не здешний, прибыл из Усадьбы Хунвэй. Если твоя дочь выйдет за меня, всё ваше семейство сможет переехать со мной, — с улыбкой сказал эмиссар Цзян.

Усадьба Хунвэй находилась под началом Цинь Хунвэя. В его ведении находилось тридцать деревень с общим населением более ста тысяч человек, места там были оживлённые и процветающие.

— Папа, соглашайся! — засуетилась Цинь Тянь. Она давно была наслышана о таких влиятельных кланах и всей душой стремилась туда попасть.

Тан Цзин бросил на дочь ледяной взгляд и чеканно произнес:

— Хочешь — выходи сама, нечего торговать младшей сестрой.

— Я согласна! — Цинь Тянь с жадным блеском в глазах уставилась на эмиссара Цзяна, и если бы не посторонние, она бы уже бросилась ему на шею.

При взгляде на Цинь Тянь эмиссара Цзяна едва не стошнило. Такая баба, хоть и хороша собой, но — грязна!

Даже бесплатно, приплати ему кто — и то не взял бы.

Впрочем, находясь в чужом доме, следовало соблюдать приличия. Он покачал головой и с улыбкой произнёс:

— Я человек постоянный и положил глаз именно на младшую дочь. Если ты сможешь уговорить её пойти со мной, я отсыплю тебе сто серебряных монет и помогу убраться отсюда.

Цинь Тянь уже готова была дать согласие, но под свирепым взглядом отца проглотила готовые сорваться с языка слова.

— Моя дочь ещё мала, эмиссар Цзян, поищите кого-нибудь другого! — Тан Цзин поднялся, давая понять, что пора закругляться.

— Как знаете, ваше право, — эмиссар Цзян был человеком не мелким и терпеть пренебрежение не собирался. Он встал и раскланялся.

Бабушка Чжан осталась крайне недовольна, но украдкой сунула Цинь Тянь пару серебряников и поспешила следом за эмиссаром Цзяном.

Тан Цзин заметил это, но промолчал. Теперь у него с обеими дочерьми сложились крепкие отеческие отношения, и он был уверен: сколько бы чужаки ни сулили золотые горы, девчонки не поддадутся на уговоры.

Вечером Цинь Тянь с нетерпением принялась за дело: затащила Цинь Хун к себе и стала расписывать все прелести замужества, надеясь уговорить сестру выйти замуж, чтобы и самой урвать свой кусок. В итоге младшая так отругала её, что Цинь Тянь прорыдала всю ночь напролёт.

Цинь Хун теперь во всём слушалась отца, беспрекословно выполняя его наказы, однако оставалась ужасной лентяйкой — если Тан Цзин сам не давал поручений, пальцем о палец не ударяла.

Но при всей своей лени и нелюбви к домашней работе училась она превосходно, к тому же обожала спорт. Дома она весело хохотала и шутила с сестрой, а на школьных уроках физкультуры всегда приходила к финишу первой в беге.

В их селении было всего три класса, и обе сестры учились одновременно, неизменно входя в десятку лучших учеников по всем трём ступеням.

Разумеется, они были самыми старшими среди всех учеников, ведь остальные одноклассники едва достигали семи-деяти лет, тогда как им уже перевалило за десяток.

Время шло незаметно. Прошло немало времени с тех пор, как Е Чэнь в последний раз заглядывал к ним, но сегодня он снова появился на пороге.

На сей раз вовсе не из-за денег — Е Дуо родила сына, и семейство Е пожаловало отпраздновать первый месяц ребёнка.

Появление на свет малыша ещё крепче сплочило родственников. За истекшее время Е Чэнь многое передумал и осознал собственную неправоту, а потому заявился не с пустыми руками, а прикупил кое-каких подарков.

Тан Цзин по природе своей был человеком отходчивым. Раз уж гость принёс дары, он не стал встречать его кислым выражением лица, радушно принял и позволил всем прошлым обидам кануть в Лету.

С появлением ребёнка теща Ся Руосюэ осталась в доме, чтобы помогать по хозяйству. Тан Цзин выделил ей кругленькую сумму на карманные расходы, предоставив полную свободу действий, отчего та просто сияла от счастья.

Теперь за домашний очаг можно было не переживать, и Тан Цзин всерьёз задумался о будущем. Не век же ему прозябать в этой крошечной деревушке, но без денег сорваться с

места было невозможно.

В последнее время он без устали рыскал в поисках сокровищ, да только удача отвернулась от него — каждый раз возвращаясь ни с чем, он в конце концов бросил это гиблое дело.

К торговле у него душа не лежала!

А раз хочется заработать, да ещё быстро, оставался лишь один путь — азартные игры!

Но играть в кости он тоже не горел желанием. Поразмыслив так и эдак, он вновь решил попытать счастья в глубоких горных чащах.

Как раз подошли школьные каникулы, и Тан Цзин взял с собой обеих дочерей, решив попутно закалить их характер.

Теперь он не только мог постоять за себя, но и защитить дочерей, так что дикие звери из окрестных гор не представляли для него никакой угрозы.

Возвращаться в тот же день они не собирались, поэтому Тан Цзин прихватил всё необходимое для выживания в дикой природе: ножи, спальные принадлежности, запасы нехитрой утвари и приправ.

Отец с дочерьми пустились в путь. Миновав земли, контролируемые кланом, они углубились в дикие горные хребты.

Цепь гор тянулась на десятки ли, устремляясь в небо исполинскими деревьями. Густые заросли кишели хищниками, и лишь редкие одиночки-охотники или сборщики травы забредали в эти места.

— Эй, братец, не хочешь объединиться?

Трое мужчин с улыбкой разглядывали Тан Цзина, то и дело бросая оценивающие взгляды на его дочерей.

На землях, подвластных кланам, проливать кровь возбранялось, но здесь, в глуши, не было никаких законов, и грабежи с убийствами считались обычным делом.

— Советую вам троим получше присмотреться и включить мозги!

Тан Цзин окинул троицу презрительным взглядом — с таким отребьем он мог расправиться одним ударом ладони.

— Братец, в этих местах без команды добычи не видать, мы же от чистого сердца предлагаем,
— с искренней улыбкой произнёс главарь.

Тан Цзин бросил взгляд на дочерей, немного подумал и кивнул:

— Ладно, пожалуй, объединюсь с вами.

Ему вдруг захотелось показать дочерям истинное лицо человеческой злобы в этом мире.

— Меня зовут Юй Вэй, это Чжан Ци, а он — Чжан Сань. — Увидев, что тот согласился, главарь поспешно представился с предельной любезностью.

<http://bllate.org/book/19302/1889168>